

УДК 342.725.1

DOI: 10.22378/kio.2025.1.72-96

Национальная политика в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.)

Григорий Кондратюк

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ;

Крымский инженерно-педагогический университет

им. Февзи Якубова

Аннотация. Цель исследования: изучить национальную политику в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.).

Материалы исследования: В работе над статьей использованы статистические и экономические отчеты правительства Крымской АССР, неопубликованные документы Государственного архива Республики Крым.

Результаты и научная новизна: В статье рассмотрен период активного национального строительства в Крымской АССР. Основное внимание уделено, так называемым, «национальным меньшинствам Запада» – немцам, полякам, болгарам и эстонцам. В статье изучены процессы коренизации, общественно-политические структуры, политика продрозверстки, земельная реформа, затронуты вопросы культуры и образования.

Ключевые слова: Крымская АССР, национальная политика, коренизация, немцы, поляки, болгары, эстонцы.

Для цитирования: Кондратюк Г.Н. Национальная политика в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 1. С. 72–96. DOI: 10.22378/kio.2025.1.72-96

С потребностью выработки и реализации комплекса мероприятий национальной политики советская власть столкнулась сразу же после её установления на полуострове в ноябре 1920 года. Период гражданской войны отличался высоким уровнем национальной активности. В Крыму действовали различные национальные партии и общественные организации: крымскотатарская Милли Фирка, армянская Дашнакцутюн, еврейские Циры Цيون и Поалей Цيون. Немцы также создали общественно-политические структуры, не переросшие, однако в партии, по отстаиванию своих интересов. Советская власть не могла игнорировать высокого уровня национальной активности, но проводимые мероприятия в отношении различных эт-

нических групп, носили дифференцированный характер. Фактически в Крыму активное проведение национальной политики началось с рубежа 1920-1921 года. Политика коренизации получила официальное оформление на XII съезде РКП(б), проходившем в апреле 1923 года.

Советская власть в Крыму в 1921–1922 годах осуществляла жесткие меры «военного коммунизма». Реквизиции продовольствия, изъятие лошадей, инвентаря, фуража стали обыденным явлением. Уполномоченный представитель Народного комиссариата по делам национальностей по Севастопольскому уезду в своём докладе 2 июня 1921 года отмечал, что «партийная работа (коммунизм)... почти не прививается: причина этому... самочинные и зачастую преступные действия отдельных товарищей, все ошибки и преступления коих переносятся тёмной массой на всю партию»¹. Немецкое население очень пострадало от этих реквизиций, колонии экономически были разорены. Всех немецких крестьян расценивали как кулаков, взимая с них повышенные нормы сборов. Ситуация была настолько вопиющей, что даже секретарь немецкой секции Крымского обкома РКП(б) обратился в президиум обкома в августе 1922 года с заявлением. В сообщении автор писал о «ненормальных явлениях, наблюдаемых при проведении продналоговой кампании. Многие крестьяне, как отдельные, так и целыми обществами, жалуются на слишком тяжёлое обложение натурналогом. Считаю, прошлогодние нежелательные явления не следует повторять и что налог не должен лечь тяжело на хозяйства, поражённые бедствиями, что не пересматривание жалоб сильно подрывает доверие крестьян в советскую власть»².

Активное проведение политики продразвёрстки привело к голоду, который охватил немецкие колонии. Немецкое население, не дожидаясь поступления централизованной помощи от властей, стало создавать различные общественные организации. Так, в Джанкое работало «Общество Взаимопомощи немцам». Немецкая секция тут же попыталась взять его под свой контроль. В своём отчёте секция отмечала, что «самостоятельное существование таковых национальных организаций с партийной точки зрения недопустимо, предпринимались со стороны секции... шаги для вхождения этой организации в общую сеть, и обеспечить партийным влиянием в Правлении Общества»³. В декабре 1921 года в ЦИК Крымской АССР поступило заявление от инициативной группы немцев в составе С.А. Сиверса, Э.Г. Гаммербека, В.Г. Вейденбаума, А.Я. Нефа и К.И. Тидемана. В нём «делегация обращается к Президиуму КрымЦИК с просьбой о

¹ Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 104. Л. 65.

² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 201. Л. 53.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 292. Л. 4об.

своём согласии на предмет оказания помощи немцам колонистам Крыма со стороны «Черноморского Общества Помощи Колонистам» в Берлине»⁴. В дело оказания помощи должны были подключиться международные организации. Представители инициативной группы утверждали, что «мы имеем возможность получить столько даров, что сможем одни прокормить немецких колонистов и таким образом освободить Правительство от этой работы. Параллельно нашим заботам о немцах, идут в Германии и Америке всеобщие сборы для голодающих в России»⁵. С целью организации помощи голодающим, решения вопроса дальнейшей стратегии, в Симферополе 10 января 1922 года состоялось собрание делегатов немецких колонистов. Докладчики, представлявшие крымские регионы, единодушно отмечали, что «некоторые собратья уже существуют нечеловечно из чего естественно следует, что все желают и нуждаются в немедленной помощи»⁶. Собрание приняло решение отправить делегатами в Берлин Христиана Менгера и Эмиля Дрегера, для ускорения организации помощи голодающим. Обсуждался также очень болезненный для советской власти вопрос существования и деятельности в Крыму регионального отделения Союза Южно-Русских колонистов и граждан германской расы. Представители этого союза были согласны даже на замену тех кандидатур Правления, которые были неприемлемы для руководства ОК РКП(б). Такой компромисс представители немецкой секции обкома посчитали возможным. На собрании немецких партийных работников, состоявшемся 11 января 1922 года, констатировалось, что в союз входят 120 человек, он массовый, влиятельный и далее игнорировать его нельзя. Председатель немецкой секции В. Бартельс в качестве стратегической задачи в отношениях с этой организацией определил «всем непартработникам немедленно записаться в союз с тем, чтобы овладеть им изнутри, чтобы разоблачить оставшиеся в Правлении буржуазные и мелкобуржуазные элементы»⁷. В качестве меры противодействия союзу, который был неподконтролен советской власти, предполагалось поддержать просоветский «Немсельсоюз», с тем чтобы «вырвать дело помощи голодающим и восстановления колоний из рук националистического союза «Бундестрой»⁸. Вопрос поддержки Немецкого сельского союза неоднократно обсуждался на заседаниях немецких партийных работников. Среди важнейших задач, определённых на собрании 6 июля 1922 года, фиксировалось: «Немсельсоюзу активно помочь, чтобы его сдвинуть с

⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 107. Л. 157.

⁵ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 107. Л. 157.

⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

⁷ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 2.

⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 13.

мёртвой точки, дабы победить конкуренцию «Бундестрой»⁹. Активное противодействие властей, в конечном итоге привело к прекращению работы союза. 6 сентября 1922 года состоялось собрание немцев колонистов, приехавших на съезд распущенного союза. В работе собрания приняло участие 96 делегатов. Важнейшим вопросом повестки дня было сообщение о причинах роспуска союза. От правительственной комиссии выступил председатель немецкой секции В. Бартельс, ознакомивший присутствующих с принятым решением о прекращении работы. В резолюции по докладу В. Бартельса о роспуске отмечалось, что всё дело организации помощи голодающим немцам в Крыму поручается специально созданному немецкому Комитету при ЦК Помощи голодающим.

Важным организационно-структурным элементом в реализации национальной политики стала немецкая секция Крымского обкома РКП(б). Мероприятия по ее созданию были начаты в декабре 1920 года. Однако сложность выявилась в том, что среди местных немцев-колонистов не было коммунистов. Поэтому пришлось сотрудников секции командировать из-за пределов Крыма. Первый секретарь немецкой секции Н. Ицкович в докладной записке в декабре 1920 года отмечал, что «для организации немецкой секции у нас не хватает главного – наличия немцев-коммунистов... Объявленная регистрация немцев-коммунистов результатов не дала»¹⁰. Работники созданной немецкой секции Крымского обкома РКП(б), посещая немецкие колонии, сталкивались с массовыми жалобами крестьян на проводимые мероприятия «военного коммунизма». Немецкая секция выступила как своеобразное «передаточное звено» между органами власти и колонистами. Немцы-коммунисты пытались довести до руководства автономии специфику ситуации и потребности немецких сёл Крыма.

С целью выработки стратегии в отношении немцев-колонистов немецкая секция Крымского обкома РКП(б) инициировала проведение двух областных конференций немцев-коммунистов. Первая конференция состоялась с 14 по 17 мая 1921 года в Симферополе. Немецкая секция обкома была представлена секретарём секции Ицковичем и членами секции: Мандельбаум, Бартельс, И. Пецина, А. Пецина. В период до мая 1921 года в регионах Крыма при уездных комитетах партии были созданы региональные немецкие секции. Симферопольскую секцию представляли Вальгуни, Нусбаум, Вельц, Тауссиг, Феодосийскую – Клима и Витман, Джанкойскую – Шренер, Бенеш и Шард, Евпаторийскую – Ромбах и Гаусс. Таким образом, секции были созданы во всех крымских регионах, где компактно были расположены немецкие колонии. Повестка дня первой конференции нем-

⁹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 19.

¹⁰ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.

цев-коммунистов была очень насыщенной и включала одиннадцать вопросов. В частности, это вопросы тактики в немецких колониях, работа среди женщин и молодёжи, выборы представителей на Всероссийскую конференцию немцев-коммунистов в Москве. Но один из центральных пунктов был обозначен так «занятие места в национальном вопросе в Крыму»¹¹. Вторая конференция прошла в Симферополе с 19 по 21 сентября 1921 года. Секретарь немецкой секции обкома Мандельбаум в докладе «Тактика РКП в Крыму по отношению к немецкому населению» охарактеризовал сложившуюся ситуацию. Докладчик с возмущением задавал риторический вопрос, что «русские товарищи видят только большие дома немцев и заключают по их наружности, что немецкие крестьяне все кулаки. А почему? Потому что они не знают особенности немецких колонистов»¹². По итогам дискуссии была принята «Резолюция к вопросу о тактике РКП к немецким колонистам Крыма». Документ содержал осуждение продразвёрстки, поскольку «последствием этой политики будет то, что хозяйство немецких колонистов, которое ещё год тому назад цело, совершенно будет разрушено... При таких обстоятельствах Крым стоит перед непосредственным разрушением, до которого было доведено Поволжье слепой перестроительной политикой»¹³. Необходимо отметить смелость и решительность, с которой немецкие коммунисты осудили продразвёрстку. Нужно было обладать мужеством, чтобы в разгар террора 1921 года в Крыму, публично дать негативную оценку деятельности властей.

Помимо немецких партийных конференций, острая ситуация в колониях, обсуждалась на беспартийных конференциях. С 16 по 18 января 1922 года в Симферополе проходила немецкая беспартийная конференция. Она собрала свыше 400 человек из всех уездов Крыма, где были немецкие колонии. 70% собравшихся были крестьянами. Во время работы конференции делегаты «подвергли суровой критике неправильные действия советских органов и советских партийных работников на местах, жестокость, с которой проводились и проводятся военные реквизиции, развёрстка, продналог... резко отзывались о произволе, взяточничестве, пьянстве местных работников...хозяйства немцев колонистов доведены...в значительной степени благодаря нашей политикой по отношению к деревне и благодаря произволу местных властей, доведены до края гибели»¹⁴. На этой конференции был и доклад от представителей властей «Очередные задачи компартии и соввласти среди нацменьшинств». Выступавший Осман Дерен-Айерлы ознакомил присутствующих немецких крестьян с доктринальными

¹¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105а. Л. 9.

¹² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105а. Л. 28а.

¹³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105а. Л. 31.

¹⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 199.

положениями РКП(б). В нём власть откровенно лицемерила: «Уравнение отсталых наций с более передовыми производится Соввластью не в виде разорения их и доведения их до состояния остальных, а наоборот сохраняя для культурных народов возможность экономического и политического развития, постепенно поднимая отсталые нации на более высокую ступень развития»¹⁵. Это утверждение противоречило происходящему, немецкие колонии подверглись абсолютному хозяйственному разорению. В резолюции по итогам доклада ставилась задача «в предстоящих перевыборных кампаниях Советов и кооперации в полной мере обеспечить представительство немецкого населения»¹⁶.

Немецкая секция, таким образом, концентрировала все вопросы, так или иначе касающиеся жизни немецких колоний. Необходимо отметить, что представители немецкой секции не были выходцами из крымских колоний, а являлись пришлыми людьми. Обязательным требованием к членам немецкой секции было знание немецкого языка. Одним из важнейших направлений её работы была пропаганда. Работники секции стремились познакомить колонистов с установками власти, сформировать благоприятное к ней отношение. С этой целью в Крыму издавалась на немецком языке газета «Красный Крым», затем переименованная в «Молот и плуг» в силу совпадения названия с главным крымским печатным органом. Её тираж колебался от 250 до 500 экземпляров¹⁷. В 1922 году газета выходила раз в неделю. Значительное внимание в её содержании уделялось вопросам сельского хозяйства. На заседании, состоявшемся 30 января 1922 года, немецкие партийные работники обсуждали вопрос совершенствования газеты. По итогам обсуждения было принято постановление, просить руководство ОК РКП(б) разрешить реформировать газету в журнал. Журнал планировался на 16 страниц как еженедельник. Показательно его возможное название – «Крымский колонист»¹⁸.

Для реализации политики коренизации требовались чиновники определённой национальности. Национальная политика предполагала выделение квот в органах власти и управления для представителей разных национальностей. С целью подготовки необходимых кадров в Симферополе была создана немецкая совпартшкола, располагавшаяся на улице Долгоруковской, 16¹⁹. В дальнейшем, в составе общей совпартшколы был создан национальный сектор, и в его составе немецкое отделение. При партшколе в 1926 году действовало подготовительное отделение, где обучалось

¹⁵ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 60.

¹⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 60.

¹⁷ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 199.

¹⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 11.

¹⁹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 199. Л. 5об.

19 немцев. Все предметы преподавались им на немецком языке. Из числа преподавателей партшколы Симферополя 4 были немцами, из них два коммуниста²⁰. Однако, несмотря на все усилия, итоги работы советских чиновников-немцев были скромными. Немецкая секция обкома вынуждена была признать, что «немецкие работники слабой квалификации и успеха в работе среди немецкого населения не имеют»²¹.

Выпускники совпартшколы были ориентированы на осуществление идеологической работы среди немецкого населения Крымской АССР. Идеологическую деятельность властей можно охарактеризовать как зигзагообразную. На одном полюсе стремление конструктивными действиями сделать немцев лояльными гражданами советской республики. На другом, активная антирелигиозная пропаганда возведённая в ранг государственной политики. Немецкая секция в своём отчёте за август 1923 года отмечала, что «сильно возрастает религиозное настроение, особенно у католиков. В деревню Карамин приехал католический епископ из-за границы. Жители этой деревни торжественно встретили епископа, целуя его халат. В церкви он прочёл письмо папы римского, в котором пишется, что верующие должны быть на страже»²². Секретарь немецкой секции Джанкойского райкома ВКП(б) Эрнст отмечал: «Отношение к служителям культа хорошее и таковые среди немцев пользуются популярностью... религия до того сильно укоренилась, в особенности у немцев меннонитов, что таковых абсолютно не интересует окружающая обстановка, к советской власти и советскому строительству относятся безразлично и пассивно»²³. Оценивая соотношение религиозного и советского начал в жизни немцев Крыма даже в 1926 году, стоит обратиться к оценке самих коммунистов: «немецкая деревня жива ещё традициями, установившимися сотни лет назад и к тому же религиозные убеждения очень укоренились среди таковых»²⁴.

Одним из важнейших элементов национальной политики являлась земельная реформа, которая наиболее отрицательно была воспринята немецким населением Крымской АССР. Экономическая ситуация в немецких колониях начала улучшаться с 1923 года, когда основные последствия голода были преодолены. Препятствием в экономическом развитии была нехватка рабочего скота, особенно ощутимая у бедняков. Однако НЭП открыл перспективы экономического развития, которых в начале 1920-х в условиях голода и продразвёрстки не существовало. Отчёты отмечали, что «посевная площадь в 1923 году повысилась в сравнении с 1922 годом, в

²⁰ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 554. Л. 21.

²¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 554. Л. 24.

²² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 292. Л. 38об.

²³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 554. Л. 29.

²⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 554. Л. 36.

немколониях Крыма почти на 50%, в некоторых деревнях ещё больше. В Карасане достигнута почти довоенная посевная площадь»²⁵. Но это был рост по сравнению с катастрофой 1922 года. На основе статистических обследований из общего количества 1986 немецких хозяйств к категории зажиточных были отнесены 279 хозяйств, середняцкая категория оказалась наибольшей – 1005 хозяйств, но очень значительным было количество бедняков – 702 хозяйства²⁶. Эти цифры показывают, что немецкая деревня обеднела и потеряла былой уровень благосостояния. Аграрные мероприятия занимали важнейшее место в национальной политике советской власти в Крымской АССР. По своему социальному составу немцы, крымские татары, армяне, болгары и греки в подавляющем большинстве были сельскими жителями. Поэтому перераспределение земельных ресурсов представителей того или иного народа затрагивало важнейшие сферы жизни этносов. Народный комиссариат земледелия Крымской АССР аграрную реформу проводил в форме межселенного и внутриселенного землеустройства. Норма наделения землёй определялась в 27 гектаров на крестьянское хозяйство. У большинства немецких хозяйств земли было больше, поэтому её излишки отобрали. Однако, помимо собственной земли немцы колонисты арендовали значительные земельные угодья. В условиях земельной реформы 1920-х годов возможности для аренды практически прекратились, так как свободные земли вошли в состав государственного земельного фонда. На эти земли осуществлялось переселение с Южного берега Крыма и извне полуострова. Неблагоприятные аграрные преобразования сформировали глубокое отчуждение немцев от власти: «Землеустройство коренным образом изменило взгляды на текущий момент...Старики глубоко отрицательно относятся к советской власти, а особенно бывшие мелкие собственники (20, 30 и 40 десятин)»²⁷. Остроту земельного вопроса демонстрирует подготовка наказов делегатам II Всекрымской немецкой конференции, проходившей 16-29 мая 1927 года в Симферополе. Делегатам от Джанкойского района, в наказе ставилась задача обсудить вопрос «об отставлении за немцами земли, которую они арендовали»²⁸.

Одним из важных направлений национальной политики в отношении немцев стало создание национальных сельских советов. Руководство автономии проводило мероприятие, получившее название «разукрупнение сельсоветов». Его сущность состояла в том, что сельские советы, объединявшие большие массивы разделялись на несколько небольших. Основным критерием формирования сельских советов являлась этническая принад-

²⁵ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 292. Л. 36.

²⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 554. Л. 28.

²⁷ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 554. Л. 87.

²⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 700. Л. 5.

лежность жителей. Так, в 1926 году в Симферопольском районе было создано 7 немецких сельских советов объединявших 12196 жителей. Немцы в районе составляли 18,4% всех жителей. Во всех сельсоветах немцы составляли подавляющее большинство. Так, в Немецко-картамышинском 95,5% жителей немцы, в Карасанском – 94,5%, Карангарском – 92%, Спатском – 90%, Табулдинском – 71%, Комбарском – 68% и Ашага Джаминском 64,4%²⁹.

Таким образом, в отношении немцев Крымской АССР, проводилась особенная национальная политика. Немцы расценивались как кулацкое население, к которому применялись реквизиции и изъятия имущества. Земельная реформа разорила немцев колонистов Крыма, подорвала их экономическое благосостояние. Власть оказалась заложником собственных действий. Чтобы ни говорилось немцам в пропагандистских документах, лишившись материального достатка, они оказались «глухими» к установкам большевизма. Болевыми аспектами во взаимоотношениях немцев Крыма и большевистских властей были вопросы религии и работы школ. Конструктивных отношений в межвоенное двадцатилетие, так и не было установлено.

По данным переписи населения в апреле 1921 года, в Крыму проживало 5734 поляков. По месту жительства поляки Крыма распределялись так: городских жителей 4703, крестьян 1020 [4, с. 54]. От общего количества населения Крыма, согласно данным переписи 1921 года, поляки составляли 0,80%. Если сравнивать эту численность поляков данным переписи 1897 года, то за 23 прошедших года численность поляков сократилась на 17,25% [9, с. 104]. Сокращение численности польского населения произошло за счет эмиграции. Не следует забывать, что в результате национально-освободительной борьбы было воссоздано Польское государство Юзефа Пилсудского и это обстоятельство стало важным стимулом к возвращению на историческую Родину. Перепись 1921 зафиксировала также и количество грамотных среди поляков Крыма. Из общего количества 5734 человек грамотными были 4186, а неграмотными 1548. Из 4703 жителей городов грамотными были 3502, а неграмотными 1201, что составляло %. Из 1031 крестьянина – 684 грамотных, и 347 неграмотных [6, с. 115]. Эти данные свидетельствуют, что в целом, для поляков был характерен высокий уровень грамотности.

Одним из важнейших направлений коренизации в Крымской АССР среди польского населения была работа в области образования и культуры. Причина в том, что количество польского населения было относительно невелико, поэтому экономический аспект не имел той остроты, как для

²⁹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 554. Л. 69.

крымскотатарского или немецкого населения. 31 августа был зарегистрирован устав культурно-просветительского польского общества «Праца», основные программные положения которого польское общество стремилось реализовать на территории Крыма. Большевики стремились показать себя освободителями народов из самодержавной «тюрьмы народов». Поэтому удовлетворению культурных потребностей уделялось определенное внимание. Власти пошли навстречу населению и способствовали созданию двух польских школ.

В 1921–1922 годах в Крымской АССР действовали 2 польские школы первой ступени – в Симферополе и Севастополе. Значительная часть учебного процесса в указанных школах осуществлялась на польском языке. В конце 1922/23 учебного года Севастопольский окружной отдел народного образования пытается закрыть польскую школу, мотивируя это решение нехваткой средств. Родители учеников объединяются с целью противодействовать закрытию учебного заведения. Для достижения этой цели в ноябре 1923 года было создано культурно-просветительное общество. Указанное общество сотрудничало с Симферопольским польским обществом.

В 1924 году представители Севастопольского общества проводят обследование состояния польской школы в Симферополе. Эта школа действовала при костеле. При костеле была библиотека, которая насчитывала более 3000 книг на польском языке.

В ноябре 1924 года при Севастопольском обществе начал действовать польский клуб, единственный польский клуб в Крымской АССР. При клубе работала библиотека и театральная кружок. Для клуба выписывались польские газеты.

Вопросы развития польских школ стали предметом обсуждения на заседании Нацкомиссии, созданной при ОК РКП(б). На первое заседание Нацкомиссии, которое состоялось 23 октября 1925 года, был приглашен народный комиссар просвещения Крымской АССР Усеин Балич. Нарком выступил с докладом «Об итогах и перспективах работы НКО среди национальностей». Нарком охарактеризовал основные направления работы в области образования среди национальных меньшинств и отметил, что работают две польские школы, в которых насчитывается 70 учеников и три преподавателя³⁰. Необходимо отметить, что для большевиков образование являлось ценным не само по себе, а как источник знаний о коммунистическом обществе и партийные установки. Новое поколение советских граждан, которое училось в школе, должно было усвоить коммунистическую догматику. Поэтому нарком Усеин Балич в своем выступлении не был свободным от политических оценок. Балич довольно скептически высказался

³⁰ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 16об.

о так называемых «нацменах Запада». На коммунистическом новоязе этим термином отмечали немцев, чехов, поляков, эстонцев, проживавших в Крыму. Большевицкая власть относилась к ним с недоверием, считая представителей этих народов своеобразной «пятой колонной». В своем выступлении Балич говорил: «Если принято народности первой категории (немцы, эстонцы, чехи, поляки, частично – евреи) считать «культурными» не стоит доказывать, что их хваленая «культурность», «цивилизованность», почти полная грамотность... как раз обратно пропорциональны пригодности для советизации, их возможности быть привлеченными к активному рабоче-крестьянскому строительству»³¹. Одной из важных кампаний, которая проводилась властями, была ликвидация неграмотности. Как правило, ликпункты осуществляли ликвидацию неграмотности на родном языке. Среди поляков Крыма ликвидация неграмотности также осуществлялась на родном языке. Из 13 ликвидационных пунктов, 1 был польский и он работал в городе³².

Политико-просветительская работа среди национальных меньшинств Крыма осуществлялась в форме клубной работы. Большинство клубов возникло в результате инициативы общественных организаций и на их средства. В Симферополе работал клуб Национальных меньшинств (Нацмен) Запада им. К. Либкнехта и также специализированный польский клуб³³. Клубы были популярны, так как польское население было в основном городским. Устав клуба Национальных меньшинств Запада фиксировал, что его целью является «объединение национальных меньшинств Запада в городе Симферополе и в Крыму на почве культурно-просветительской работы и организация разумного отдыха для членов клуба, а также установление смычки города с крестьянством западных нацменьшинств»³⁴. В клубе работали национальные секции. Клуб осуществлял работу в форме театральных постановок, осуществляемых театральным кружком, проведение лекций, работы библиотеки. Устав также фиксировал необходимость «распространять среди своих членов теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству, промышленному и кустарному производству и в общем осуществлять мероприятия по культурному и хозяйственному подъему своих членов»³⁵.

Одним из приоритетов в деятельности органов государственной власти по осуществлению коренизации в отношении польского населения Крымской АССР была работа школ. В 1924/25 учебном году работали 2 поль-

³¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 20.

³² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 21.

³³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 22.

³⁴ ГАРК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.

³⁵ ГАРК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.

ские школы первой степени. В последующие два учебных года указанное количество польских школ сохранилось³⁶. Но, к сожалению, этого количества школ было недостаточно. Польская национальная школа охватывала только 10% детей. Отчет Народного Комиссариата просвещения Крымской АССР констатировал: «Значительный процент детей школьного возраста еврейского, армянского, греческого, польского и караимского городского населения осуществляется общей школой, особенно младшими группами семилеток и девятилеток»³⁷. В 1927/28 учебном году функционировали 2 польские школы первой степени, в которых обучалось 82 детей и преподавали 2 учителей³⁸. Этот факт свидетельствует о процессах русификации, которым не смогла противостоять польская община в Крыму. Поляки были в основном городскими жителями, среди которых ассимиляция осуществлялась значительно быстрее. Польская молодежь училась и в других учебных заведениях. В профессионально-технических учебных заведениях насчитывалось 27 поляков, что составляло 0,75% от общего количества учащихся. В индустриально-технических профессиональных школах обучалось 10 поляков, а в сельскохозяйственных профшколах 3 ученика, в музыкальной профшколе 1 человек, в школах фабрично-заводского ученичества 3 поляков, в промышленно-экономических техникумах – 3, медико-фармацевтическом техникуме – 2, в музыкальном техникуме – 3 поляков³⁹.

17 декабря 1926 была проведена Всесоюзная перепись населения. Согласно ее результатам в Крымской АССР проживало 4514 поляков, что составляло 0,6% от общего числа жителей. Данные свидетельствуют, что произошло как абсолютное, так и относительное сокращение количества поляков, проживавших на полуострове [1, с. 8]. Данные переписи свидетельствовали также о том, что поляки Крыма были городскими жителями. В Симферополе проживало 1200 человек, Севастополе – 1020, Ялте – 430, Феодосии – 280, Евпатории – 190, Керчи – 140, Джанкое – 40 поляков⁴⁰.

Национальная политика в отношении поляков координировалась на общесоюзном уровне. Комплекс мероприятий осуществлялся в различных регионах страны на общих основаниях. Эти меры разрабатывались на основе партийных установок, а также осуществляемых совещаниях. В тех регионах, где жили поляки, действовали бюро или секции в рамках Агитпропов обкомов партии. В крымском обкоме РКП(б)-ВКП(б) действовала Нацменкомиссия Агитпропа. Специальной польской секции в крымском обкоме создано не было, работу осуществляла Нацменкомиссия. С 7 по

³⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 698. Л. 10об.

³⁷ ГАРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 698. Л. 11.

³⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 698. Л. 40.

³⁹ ГАРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 698. Л. 17.

⁴⁰ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 547. Л. 82.

12 мая 1928 года в Москве было проведено Всесоюзное совещание рабочих польских бюро. С главным докладом выступила Дзержинска. В своих решениях совещание обращало внимание на оживление идеологической работы, агитации и пропаганды. Польские бюро должны были помогать в подборе необходимых работников, развитии культурно-просветительных учреждений. Важнейшее направление было обозначено как советизация поляков, активное идеологическое воздействие на них. Власть констатировала, что «этот процесс советизации сопровождается процессом распада национального единства в польском селе, ростом политического расслоения польского крестьянства, ростом роли бедноты, как и некоторым ослаблением влияния католического духовенства»⁴¹. Таким образом, гражданская идентичность должна была прийти на смену национальной. Власть ставила задачей «размывание» национального единства, основанного на религии и сохранении родного языка. Польский язык выступал теперь как средство донесения до поляков идеологические догмы. В резолюции по докладу «О состоянии работы среди трудящихся поляков СССР» отмечалось, что «в деле советизации польского населения особое значение имеет работа среди молодежи и детей. Отмечая рост комсомола за счет польской молодежи, следует также признать этот рост недостаточным и в дальнейшем усилить вовлечение в комсомол рабочей, батрацкой и бедной молодежи... осуществляя решительную борьбу за молодежь на идеологическом фронте (религия, национализм, быт)»⁴². По результатам Всесоюзного совещания был принят документ «Задача культурного строительства среди трудящегося польского населения». В документе был осуществлен анализ ситуации и сформулированы задачи, среди которых первоочередная – борьба с польской интеллигенцией. В частности, констатировалось, что «польское учительство в своем большинстве не соответствует назначению. Часть его, и не малая, находится под влиянием враждебных нам элементов, в частности – духовенства. Часть – не имеет достаточной педагогической подготовки. Общественная ценность, также советски настроенной части учительства, должна быть лучше. Все еще слабы коммунистический и комсомольский слои среди польского учительства... Имеющиеся кадры учительства (кроме той части, которую нужно изъять из школы, переподготовить педагогически и политически, как на специальных польских, так и на общих курсах)»⁴³.

Вопросу качественного состава интеллигенции было уделено внимание на областном партийном совещании по вопросам национального

⁴¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 819. Л. 9.

⁴² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 819. Л. 13.

⁴³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 819. Л. 17.

строительства, которое проходило в Симферополе в 1929 году. Интеллигенция формировала национальное сознание своей этнической группы, поэтому совещание проанализировало составляющие стратегии по этой социальной группы. Партийное совещание в своей резолюции отметило, что «осуществление задач социалистической реконструкции и дальнейшего усиления социалистического наступления на капиталистические элементы в городе и деревне, при усилении активности и сопротивления этих элементов в условиях многонациональной Крымской АССР, придает особое значение вопросу об интеллигенции»⁴⁴. Областное совещание по вопросам национального строительства в своей резолюции также отметило, что «осуществление быстрого темпа индустриализации, проведение земельной реформы, подъем и социалистическая реконструкция сельского хозяйства и усиление социалистического наступления на нэпмана и кулака, должны составлять основное содержание работы крымской партийной организации по национальному строительству Крымской АССР»⁴⁵.

В 1930 году согласно постановления от 25 июня ЦК ВКП(б) было введено обязательное начальное образование. Наркомпрос Крымской АССР осуществил комплекс мероприятий по выполнению данного постановления. Была проведена общая перепись всех детей школьного возраста. В Крыму жили 80396 детей. Из них 191 составляли польские дети⁴⁶. Введение всеобщего обязательного образования потребовало значительных финансовых ресурсов и организационных мероприятий. Власть стремилась привлечь к реализации этой задачи широкие круги общественности. Наиболее распространенной формой стали конференции и всекрымские совещания. Они должны были активизировать общественность национальных меньшинств в поддержку школ. Совещания и конференции среди национальных меньшинств Крыма, как элемент национальной политики, должны были также суммировать общественное мнение различных национальных групп. 26 апреля 1930 в Симферополе состоялось Всекрымское совещание нацменьшинств. В работе собрания приняли участие 150 делегатов. На каждую национальную группу, которая жила в Крыму, были выделены квоты количества делегатов. Для поляков было выделено 2 места⁴⁷. На совещании обсуждался широкий круг вопросов, в частности ход колхозного строительства, развитие культуры, участие национальных меньшинств в советском строительстве. Главный доклад назывался «Национальная политика советской власти и очередные задачи национального строительства Крымской Республики» и в нем характеризовался комплекс мероприятий осуще-

⁴⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1032. Л. 20.

⁴⁵ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1032. Л. 13.

⁴⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1039. Л. 16.

⁴⁷ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1032. Л. 11.

ствляемых местным партийным руководством. Одним из важных мероприятий стала коренизация в органах власти и управления. СНК и ЦИК Крымской АССР инициировали также кампанию «выдвиженцев». Критериями для занятия должности на ступенях власти были социальное и национальное происхождение. К 1930 году в управленческих аппаратах государственных учреждений в результате осуществления мероприятий коренизации насчитывалось 36 поляков, что составляло 0,1% от общего количества работающих чиновников⁴⁸.

Таким образом, работа с польской общественностью не относилась к числу приоритетов национальной политики в Крымской АССР. Этот факт обусловлен, прежде всего, малой численностью поляков на полуострове. Во-вторых, русификацией поляков Крыма. Польские дети учились в общих русскоязычных школах и только в 20% были охвачены 2 национальными польскими школами. В-третьих, отсутствовали компактные массы польского населения, оно было распылено среди других национальных групп. Проживание компактной общиной выступает как препятствие на пути ассимиляции, способствует сохранению языка и традиций. Важно отметить, что большинство поляков были городскими жителями. Городской образ жизни способствует ассимиляционным процессам. Город в Крыму был российским и разговаривал на русском языке. Также необходимо обратить внимание на то, что на практике представители власти негласно разделяли народы на «лояльные и враждебные». Отношения Польши Пилсудского с СССР были не слишком хорошими и негативное отношение к полякам, которым выпало жить в советской стране, очевидно. К числу таких же «враждебных наций», кроме поляков, были отнесены немцы, эстонцы, чехи. Отношение власти к полякам было «прохладно-враждебным», власть не стремилась завоевать симпатии польского общества, как это было в случае с крымскими татарами. Работа с польским населением осуществлялась в общем контексте работы с «нацменьшинствами Запада».

О внимании к эстонцам свидетельствовал факт создания в рамках Крымского обкома партии специальной эстонской секции и работу эстонского инструктора. Внимание к эстонцам было обусловлено, в определённой степени, созданием независимого эстонского государства в Прибалтике. Поэтому в национальной политике советской страны можно видеть, с одной стороны, враждебно-настороженное отношение к ним, а с другой, попытку добиться симпатии эстонцев и предотвратить эмигрантские настроения.

Перепись 1921 года зафиксировала, что на полуострове проживал 2371 эстонец, из них мужчин 1094, женщин 1277. В основном, эстонцы были

⁴⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 636. Л. 33.

жителями сельских колоний – 1613 человек, а горожан насчитывалось только 758. Наибольшее количество эстонцев проживало в Симферопольском уезде – 793 человека, Евпаторийском – 259 жителей и Джанкойском уезде – 882 колониста [6, с. 10–11]. Необходимо отметить, что перепись зафиксировала очень высокий уровень грамотности эстонцев. Из 2371 эстонца грамотных – 1917, а неграмотных только 454 человека. При этом, из 1613 сельских жителей неграмотных всего 327 человек [6, с. 34–35]. По сравнению с представителями других народов, это был очень высокий показатель грамотного населения. Поэтому в состав Крымского областного комитета РКП(б) были привлечены работники, которые могли бы вести работу среди эстонцев, прежде всего благодаря знанию эстонского языка. Инструктором Крымского обкома РКП(б) по работе среди эстонского населения Крыма в 1921–1922 годах являлся Г. Вайно. В своём плане работы на 1922 год он поставил задачей обследовать состояние эстонских школ в колониях, оказать помощь в развёртывании курсов при симферопольской школе-коммуне «Койт» и работе эстонского клуба. Координация работы среди эстонцев осуществлялась центральным бюро эстонской секции при ЦК РКП(б) в Москве⁴⁹. Работа среди эстонцев координировалась не только в областном комитете, но и в Народном комиссариате просвещения. Внимание в работе было обращено на состояние школ и развитие образования. Схожую ситуацию можно было видеть и в УССР. В составе Наркомпроса УССР была создана эстонская секция и региональные отделы на местах. В руководящем документе «Положении о эстонской секции при Укрнаробразе и Наробразе УССР» были определены важнейшие ориентиры в работе. В частности, указывалось, что секции создаются «для просветительской работы среди рабочих и трудящихся масс эстонцев, для разработки и постановки перед партией и советскими организациями вопросов физического и духовного воспитания нового поколения пролетариата и перевоспитания взрослого элемента трудящихся, и остатков мелкой и крупной буржуазии в духе социализма, вовлечение широких масс к творческому пролетарскому искусству и культуре, а также для выполнения специальных задач органов народного общего и профессионального образования»⁵⁰.

Важной формой работы среди эстонцев Крыма стали беспартийные конференции. На этих конференциях власть знакомила представителей крестьян со своими принципиальными установками, требованиями и в известной степени происходил диалог, ещё возможный в условиях новой экономической политики. 26–27 февраля 1922 года в Симферополе прохо-

⁴⁹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 206. Л. 6.

⁵⁰ Центральный государственный архив высших органов власти и государственного управления Украины (далее – ЦГАВО). Ф. 166. Оп. 2. Д. 618. Л. 2.

дила II Всекрымская конференция беспартийных эстонцев. На конференцию прибыли 24 делегата от эстонских колоний, от трудовых артелей «Койт», «Борьба» и «Звезда коммунизма», а также Евпаторийского и Симферопольского эстонских клубов. На конференции обсуждались вопросы состояния сельского хозяйства в эстонских колониях, потребительской кооперации, школ. Но самым важным и злободневным вопросом было обсуждение мер по борьбе с голодом. Выступавшие делегаты обрисовали трагическое положение, сложившееся в эстонских сёлах: «Колония Джурчи. Делегат Палькман указывает на то, что в северном районе положение много раз хуже... из 500 лошадей осталось 55... в колонии 460 душ. Острую нужду терпят 100-120 душ. Колония «Китай». Делегат Радик говорит, что из прошлогоднего урожая колония не получила ни пуда хлеба ни корма для скота, теперь уже больше половины голодающих»⁵¹. Многие эстонцы Крыма видели выход из создавшейся сложнейшей ситуации в эмиграции в Эстонию. Этот факт отметил инструктор Крымского ОК РКП(б) по работе с эстонцами Г. Вайно. В своём отчёте, по итогам посещения эстонских колоний он пишет: «Здесь в колонии [Учкую-Тархан – Авт.] сильно развита тенденция обращения к белоэстонскому правительству за помощью для всех эстонских колоний... все заражены оптационной горячкой»⁵².

Для реализации политики коренизации была создана специальная система органов. На совещании ответственных работников, проходившем в Симферополе 28 и 29 июня 1923 года с повесткой дня «Национальная политика в Крыму», одним из докладчиков был председатель СНК Крымской АССР Саид-Галиев. В резолюции по итогам работы совещания была поставлена задача коренизации сельских советов⁵³. В местах компактного проживания эстонцев были созданы 2 эстонских сельских совета. Общее количество сельских советов в Крымской АССР было увеличено со 143 до 418 [5, с. 93].

В начале 1920-х годов власти стремились довести до эстонцев основное содержание своей национальной политики с помощью периодической печати. Отчёт областного комитета фиксировал: «На эстонском языке издаётся газета на шапирографе и распространяется в деревне через деревенские просветительские кружки» [2, с. 18].

С целью создания эффективного механизма реализации национальной политики регулярно проводились Совещания национальных работников, членов РКП(б). На Совещании проходившем 7 июля 1924 года с основным докладом выступил секретарь обкома Носов. По итогам работы совещания

⁵¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 206. Л. 4.

⁵² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 206. Л. 4.

⁵³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 287. Л. 25.

было принято решение о том, что «если у кого из товарищей будут те или иные предложения по национальной политике, как в области принципиальной, так и в практической, должны вносить их на обсуждение президиума... а отнюдь не выносить в массу неразрешённых вопросов»⁵⁴. Это решение говорит о том, что эстонская община была отстранена от принимаемых решений непосредственно затрагивавших их интересы. Партийное руководство волновало недопущение открытой дискуссии. В качестве инструментов управления совещание предложило созывать периодические беспартийные конференции, совещания коммунистов «нацмен Запада».

При крымском обкоме ВКП(б) в 1925 году действовала Нацкомиссия, решавшая текущие вопросы реализации национальной политики. В 1925 году Председателем Нацкомиссии был избран секретарь обкома Петропавловский, а в президиум входили Мамут-Недим, Таксер и другие. Комиссия на своих заседаниях рассматривала разнообразные вопросы, в том числе развития народного образования среди эстонцев. Осенью 1925 года в автономии была учреждена специальная должность Уполномоченного ВЦИК при ЦИК Крымской АССР по охране прав национальных меньшинств. План работы Уполномоченного У. Балича предполагал «установление тесной связи с нацменнаселением, выявление степени обслуживания соваппаратом нацменнаселения, особое усиление внимания на обслуживание по культпросветлинии... собирать и обрабатывать материалы об экономическом положении нацмен»⁵⁵. У. Балич в своём докладе «О работе Уполномоченного по охране нацмен» осенью 1925 года говорил, что «основными моментами в работе уполномоченного являются вопросы просвещения, здравоохранения и землеустройства, в соответствии с каковыми и разработан план работы уполномоченного»⁵⁶. В резолюции по докладу Уполномоченного по делам нацменьшинств фиксировалось, что необходимо «в целях придания всей работе характера живой активной связи с нацмен группами, необходимо эту работу в практической части связать с обследованием и изучением нацмен учреждений (сельсоветов, школ, комитетов взаимопомощи, обществ, организаций) проводя таковые в плановом порядке. В целях углубления работы обратить особое внимание на изучение вопроса о переводе на родной язык делопроизводства в нацмен Советах, подходя к нему с точки зрения практической целесообразности»⁵⁷. Вопрос перевода ведения документации на эстонский язык был затронут не случайно. Изменение статуса языка, расширение сферы его применения было одним из

⁵⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 320. Л. 122.

⁵⁵ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 468. Л. 80.

⁵⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 28.

⁵⁷ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 435. Л. 30.

важных элементов национальной политики. Коммунистические идеи необходимо было доносить до крестьян на эстонском языке.

Партийные совещания и конференции проводились не только с коммунистами эстонцами, но и представителями других национальностей. В 1926 году было проведено I Всекрымское совещание нацмен партработников. С докладами о политическом состоянии нацмен выступили работники обкома Глоуберман и Баумгартен. Докладчики заострили внимание присутствовавших на важности работы среди всех национальностей Крыма, особо отметив работу среди немцев, эстонцев, чехов и поляков и борьбе с «национальными группировками». Резолюция по итогам работы фиксировала, что «совещание обращает внимание всех партийных национальных работников на своевременное сообщение в областной комитет о всех проявлениях стремления каком бы то ни было виде получить организационное оформление»⁵⁸.

Необходимо отметить, что во многих народных комиссариатах создавались специальные структурные подразделения, реализовывавшие мероприятия национальной политики. Так, в составе Народного комиссариата просвещения при Коллегии Наркомпроса работал Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен). Этот структурный орган функционировал на основе специально разработанного положения. Эти структурные подразделения взаимодействовали с Агитпропом и Нацменкомиссией областного комитета. Для эстонцев Крыма было характерно особое внимание к развитию национальных школ для детей колоний. Так, одна национальная школа приходилась на 347 эстонцев. Для сравнения, одна национальная школа приходилась на 4213 караимов [10, с. 75].

На Всекрымском совещании национальных меньшинств, проходившем 26 апреля 1930 года, эстонцы были представлены пятью делегатами⁵⁹. Эстонские делегаты, работавшие на совещании, попытались донести до власти специфические потребности жителей эстонских сёл. Прежде всего, вопрос земельной реформы, деятельность эстонских школ и место религии в жизни крестьян.

Одним из важнейших координирующих органов в осуществлении национальной политики была Комиссия по коренизации государственного, кооперативного, профсоюзного аппарата и общественных организаций Крыма, созданная в 1929 году. Эта комиссия действовала при ЦИК Крымской АССР. В сферу её полномочий входило наблюдение за деятельностью учреждений, обслуживавших специфические запросы народов полуострова. Комиссия должна была содействовать организации на больших пред-

⁵⁸ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 468. Л. 197.

⁵⁹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1032. Л. 11.

приятных структур фабрично-заводского ученичества и их комплектования. Совместно с Народным комиссариатом труда, Комиссия изучала рынок труда, уровень безработицы среди национальных меньшинств и осуществляла через Биржу труда их переквалификацию, прежде всего для промышленного производства [3, с. 20].

1929 год может быть определён как качественно новый этап в национальной политике ещё и в силу корректировки сферы применения различных языков. 25 июля 1929 года был издан декрет ЦИК и СНК Крымской АССР о переводе делопроизводства на национальные языки в районах наибольшего численного проживания представителей различных народов⁶⁰. При этом руководители крымской автономии апеллировали к опыту коренизации в УССР. Языковой вопрос затрагивался на проходившем 10–12 ноября 1929 года областном партийном совещании по вопросу национальной политики. Один из руководителей республики Пичахчи, анализируя недостатки практических мероприятий, говорил: «Мы наблюдаем, как проводилась коренизация на Украине. Казалось бы из наблюдений, из опыта проведения украинизации мы могли бы учесть их методы работы, их ошибки и положительные моменты. На основе опыта братских республик (Украина, Белоруссия, Татария) мы могли и должны были бы раньше поставить этот вопрос»⁶¹.

К середине 1930-х годов политика коренизации в отношении эстонцев приняла формально-бюрократический характер. Началась кампания борьбы с буржуазным национализмом, и период активного национального творчества был завершён. Выступая на XVII областной партийной конференции председатель СНК Крымской АССР А.А. Самединов отмечал, что «недавно пленумом ЦК КП(б) Украины было вынесено решение по национальному вопросу. Наряду с тем, что для СССР в целом главной опасностью является великодержавный шовинизм, – на Украине на данной стадии главной опасностью является местный национализм. Нельзя предполагать, что это не имеет отношения к Крыму. Это имеет значительное отношение также и к Крыму» [8, с. 39].

Таким образом, национальная политика в отношении эстонцев, с её комплексом мероприятий, не являлась самоцелью. Коренизация должна была укрепить политическую власть большевиков, подчинить национальное эстонское крестьянство и подавить «буржуазный национализм». Эта стратегическая цель зафиксирована в содержании многих партийных документов. Так, в «Итогах и задачах национальной работы» XII областной крымской конференции недвусмысленно указывалось, что «необходимо

⁶⁰ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 870. Л. 45.

⁶¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 870. Л. 45.

помнить, что национальный вопрос, являющийся весьма важным и серьёзным вопросом, без правильного разрешения которого совершенно невозможна победа пролетарской революции, всё же является подчинённым основным вопросу революции, – вопросу о диктатуре пролетариата» [7, с. 8].

Болгары не были отнесены к меньшинствам, пользовавшимся приоритетным вниманием органов власти со стороны болгарской общины Крымской АССР. Согласно данным первой предварительной переписи населения проведённой в апреле 1921 года, из общего числа жителей Крыма в 720373 человека, болгар насчитывалось 10572 [6, с. 10-11]. От общего количества жителей болгары составили 1,4% [6, с. 5].

Болгары в местах компактного проживания, в частности в сёлах Болгарщина, Кишлав, Марфовка получили значительные земельные участки. Земельная реформа наряду с созданием национальных сельских советов и школ, использования болгарского языка в ведении документации, направления молодёжи в учебные заведения и промышленные предприятия составили основу этнополитики в отношении болгар Крыма. В составе Агитационно-пропагандистского отдела (Агитпроп) Крымского обкома ВКП(б) была создана болгарская секция. Она обобщала мнения и запросы крестьян-болгар и выступала инициатором проведения практических мероприятий. Так, в марте 1926 года была проведена I Всекрымская болгарская беспартийная конференция. В 1930 году состоялась Всекрымская конференция национальных меньшинств, где были представлены делегаты-болгары. Центральным вопросом, интересовавшим болгар, являлась аграрная реформа и развитие национальных школ. До 1925 года болгарские школы отсутствовали. Свою деятельность они начали с 1925 года. Проблема заключалась в том, что часть крымских болгар сохранила разговорный язык, но не владела литературным языком, так как был выработан крымско-болгарский диалект. В середине 1920-х годов насчитывалось 14 болгарских начальных школ, в которых обучалось 950 детей и работало 27 педагогов. Одна из важнейших проблем состояла в том, что только 7 педагогов владели болгарским языком. Школы располагались в местах компактного проживания болгар в Крыму. В Феодосийском районе насчитывалось 6500 болгар, в Карасубазарском – 2270, Керченском – 2230 болгар, Симферопольском – 700⁶².

В 1930 году была проведена новая административная реформа. Созданы национальные районы, систематически увеличивалось количество национальных сельских советов. В местах компактного проживания болгар были созданы национальные болгарские сельские советы. В Сейтлерском районе был создан Желябовский болгарский сельский совет. На террито-

⁶² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 702. Л. 8–12.

рии сельсовет насчитывалось 1435 жителей, из них 1149 болгар. В селе Желябовке насчитывалось 947 болгар, в Красноселье – 30, Ново-Дмитровке 87, Ново-Константиновке – 25 болгар. В Симферопольском районе был создан Ново-Сарабузский болгарский сельский совет. На территории сельсовета насчитывалось 626 жителей, из них 408 болгар. В Феодосийском районе сформировали два болгарских национальных сельских совета. В данном районе насчитывалось наибольшее количество болгар, живших в крымской автономии. Кишлавский болгарский национальный сельский совет насчитывал 1842 жителя, из них 1652 болгарина. В том числе, в Кишлаве 1449 болгар и Олемайпеке 203. Болгарщинский болгарский национальный сельский совет включал 824 жителя из них в селе Болгарщина 447 болгар. Также два болгарских национальных района было создано в соседнем Карасубазарском районе. Оба практически полностью были моноэтническими болгарскими советами. В Кабурчакском болгарском национальном сельском совете насчитывалось 737 жителей из них в деревне Кабурчак 727 болгар. В Колпакском болгарском сельском совете 556 жителей – все болгары. На Керченском полуострове был создан болгарский национальный сельский совет с центром в деревне Марфовка, являвшейся, как и Кишлав и Болгарщина, средоточием болгарской общины Крыма. На территории Марфовского болгарского сельсовета проживало 2319 жителей, из них болгары составляли 2010 человек. По сёлам болгары распределялись так. В Марфовке 1785 болгар, Новосёлровке 118, Бекеч-49 т Таш-Атарус 58 болгар. В Крымской АССР не был создан болгарский национальный район, в отличие от УССР, из того что компактно болгары проживали далеко не во всех сёлах. Советская власть пошла по пути создания так называемых смешанных сельских советов. Характер «смешанности» зависел от сочетания двух доминирующих этносов. В Сейтлерском районе был создан смешанный Ново-Царицынский сельский совет. В его составе насчитывалось 2419 жителей. Из них болгар половина – 1247 человек. По сёлам сельского совета болгары были распределены так: Ново-Царицыно – 768 жителей-болгар, Ново-Николаевка – 365, Красный Яр -32, Эппа – 31, Екатериновка – 21 болгарин⁶³.

Важным аспектом явилось применение национальных языков в ведении документации, особенно на уровне сельского совета. Однако, далеко не все болгарские сельские советы, как и школы, в полном объёме перешли на ведение делопроизводства на болгарском языке. В феврале 1926 года болгарское село Кишлав обследовал студент болгарского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) им. Ю.Ю. Мархлевского Н.Х. Минчев. В своём отчёте автор отметил, что «в по-

⁶³ ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 3. Д. 394. Л. 14–24.

литическом отношении они (болгары – Авт.) очень отстали и среди них нужно вести сильную просветительскую работу. Особенное внимание нужно обратить на женщин, ибо они очень отстали, как в культурном, так и в политическом отношении... Религиозность, как мужчин, так и женщин сильно развита. С этим нужно бороться и вести работу. В церкви имеется хор, который состоит из одних женщин, и на это надо обратить внимание»⁶⁴.

Акцент в первой половине 1930-х годов был сделан на создании национальных колхозов и формировании национального пролетариата. Доля промышленных рабочих среди болгар не превышала к 1930 году и 1%. Более успешно в болгарских сёлах создавались национальные колхозы. Большевицкая доктрина была ориентирована на городских жителей, а крестьянам, как носителям национальных традиций, она была чужда. Национальная политика тридцатых годов выступала инженерией новых социальных отношений и принципиально иной социальной структуры общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень ЦСУ. 1928. №9.
2. Известия Крымского ОК РКП(б). 1922. № 14.
3. Коренизация аппарата Крымской АССР. (К вопросу о вовлечении трудящихся татар в производство, государственные, кооперативные учреждения и общественные организации). Симферополь: Изд. орготдела КрымЦИКа, 1929. 29 с.
4. Отчёт Крымского экономического совещания на 1 октября 1921 года. Симферополь: Госиздат, 1921. 55 с.
5. Отчёт правительства Крымской АССР VI съезду Советов. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929. 120 с.
6. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 году. Симферополь: Изд. КрымЦСУ, 1922. 115 с.
7. Резолюции XII Крымской областной конференции. Симферополь, 1927. 20 с.
8. Самединов А.А. Об итогах выполнения народнохозяйственного плана 1933 года и о контрольных цифрах на 1934 год: доклад на XVII областной партийной конференции. Симферополь: Крымпартиздат, 1934. 39 с.
9. Статистико-экономический атлас Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1922. 49 л.
10. Хозяйственное, советское и партийное строительство в Крыму. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1929. 140 с.

⁶⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 566. Л. 4.

Сведения об авторе: Кондратюк Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); kondratjukkipu@gmail.com

National policy in the Crimean ASSR in the interwar period (1920–1930s)

Grigorii Kondratjuk

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Abstract. The purpose of the study: to study the national policy in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the interwar period (1920-1930s).

Research materials: Statistical and economic reports of the Government of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, unpublished documents of the State Archive of the Republic of Crimea were used in the work on the article.

Results and scientific novelty: The article considers the period of active national construction in the Crimean ASSR. The main attention is paid to the so-called "national minorities of the West" – Germans, Poles, Bulgarians and Estonians. The article studies the processes of indigenization, socio-political structures, surplus appropriation policy, land reform, issues of culture and education are touched upon.

Keywords: Crimean ASSR, national policy, indigenization, Germans, Poles, Bulgarians, Estonians.

For citation: Kondratjuk G.N. National policy in the Crimean ASSR in the interwar period (1920–1930s) *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 1, pp. 72–96. DOI: 10.22378/kio.2025.1.72-96 (In Russian)

REFERENCES

1. Bulletin of the Central Control Commission. 1928. No. 9. (In Russian)
2. Izvestiya Krymskogo OK RKP(b). 1922. No. 14. (In Russian)
3. Korenizatsii apparat of the Crimean ASSR. (On the issue of the involvement of Tatar workers in production, state, cooperative institutions and public organizations). Simferopol: Publishing House of the KrymTSIK Organizational Department, 1929. 29 p. (In Russian)

4. Report of the Crimean Economic Meeting on October 1, 1921. Simferopol: State Publishing House, 1921. 55 p. (In Russian)
5. Report of the Government of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic to the VI Congress of Soviets. Simferopol: Crimean State Publishing House, 1929. 120 p. (In Russian)
6. Preliminary results of the Crimean census in 1921. Simferopol: Ed. KrymTSU, 1922. 115 p. (In Russian)
7. Resolutions of the XII Crimean Regional Conference. Simferopol, 1927. 20 p. (In Russian)
8. Samedinov A.A. On the results of the implementation of the national economic plan of 1933 and on the control figures for 1934: a report at the XVII regional Party conference. Simferopol: Krympartizdat, 1934. 39 p. (In Russian)
9. Statistical and Economic Atlas of the Crimea. Simferopol: Krymizdat, 1922. 49 p. (In Russian)
10. Economic, Soviet and party construction in the Crimea. Simferopol: Crimean State Publishing House, 1929. 140 p. (In Russian)

About the author: Grigorii N. Kondratjuk – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); kondratjukkipu@gmail.com